

Жаворонков А.Г.

кандидат филологических и философских наук, старший научный сотрудник Института философии РАН, Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, строение 1; E-mail: outdoors@yandex.ru.

Социальное обновление или интеллектуальная утопия? Ханна Арендт и «Die Wandlung»

Аннотация: Настоящая статья посвящена разбору эссе Арендт, опубликованных в журнале «Die Wandlung» с 1946 по 1949 годы, а также ее более поздних работ, объединенных темой преобразования в ситуации кризиса мышления. Стержнем анализа служит тезис о том, что Арендт развивает ясперсовскую идею обновления мышления на практическом уровне, стремясь найти способы преодолеть культурные границы и национальные предрассудки и создать основание для новой общности в ситуации социальной разобщенности после разрыва с предшествующими традициями. Для проверки этого тезиса я рассматриваю идею обновления у Арендт в связи с тремя временными перспективами – национал-социалистическим прошлым Германии, символизирующим разрушение традиций, хрупким послевоенным настоящим, балансирующим между разрушительным нигилизмом и успокоительным самообманом, и будущим, в котором философии отведена не ведущая, но все же крайне важная роль.

Ключевые слова: Х. Арендт, К. Ясперс, традиция, обновление, банальность зла, мышление, диалог, действие.

I. Ханна Арендт как автор «Die Wandlung»

Вторая Мировая война – пожалуй, в большей степени, чем какая-либо другая, – оставила за собой не только физическое, но и интеллектуальное опустошение. Первые послевоенные годы в Европе прошли в попытках осмыслить причины катастрофических событий полутора предшествующих десятилетий, сделать предметом широкого обсуждения вопросы о вине и ответственности, о культурной преемственности и кризисе мышления. В Германии важной площадкой для дискуссий, в которых активно участвовала и Ханна Арендт, стал совместно издаваемый ее наставником Карлом Ясперсом, политологом Дольфом Штернбергером, литературоведом Вернером Крауссом и социологом Альфредом Вебером журнал «Die Wandlung» («Перемены», «Преобразования»).

Из историко-философской перспективы следует отметить, что в немецком, английском и русском арендтоведении первым послевоенным работам Арендт, как и в целом двум десятилетиям между публикацией ее диссертации и появлением «Истоков тоталитаризма», пока уделяется чрезвычайно мало внимания. Вне поля зрения исследователей, пишущих о философии Арендт, как правило остается не только французский период, но и часть американского периода ее биографии (по 1950 год) – даже несмотря на то, что они во многом сформировали ее представление о разрушительном влиянии национал-социализма на европейскую культуру и национальные традиции¹.

¹ Разумеется, есть несколько исключений. Из наиболее важных работ помимо английской и немецкой биографии Арендт, написанных, соответственно, Элизабет Янг-Брюль и Антонией Груненберг, стоит упомянуть *King R.H. Arendt and America*. Chicago; L., 2015 (впрочем, автор предпочитает тематический, или историко-идейный, а не хронологический подход), а также несколько статей: *Maffei S. Der Standpunkt des Exils. Hannah Arendt in Paris (1933–1941) // Philosophie Magazin, Sonderausgabe 06. 2016. S. 52–55. Mahrdt H. Le milieu de l'exil (1933–1940) // Kupiec A. et al. (ed.) Hannah Arendt – Crises de l'État nation. Pensées alternatives. Paris, 2007. P. 37–48. Söllner A. „Adieu, la France?“ – Frankreich im Frühwerk Hannah Arendts // Söllner A. (Hg.) Deutsche Frankreich-Bücher aus der Zwischenkriegszeit. Baden-Baden, 2011. S. 317–346. На русском языке пока не вышло специальных исследований по этой теме. Французский и ранняя часть американского периода Арендт затронуты в монументальном исследовании Нелли Васильевны Мотрошиловой: *Мотрошилова Н.В. Мартин Хайдеггер и Ханна Арендт: Бытие – время – любовь*. М., 2013. С. 136–180 (см. также анализ вышедшего в 1946 г. эссе Арендт «Что такое экзистенц-философия» на с. 201–219).*

Сложившаяся ситуация отчасти вызвана и разделяемым многими специалистами мнением о том, что первой собственно философской работой Арендт были «Истоки тоталитаризма», тогда как более ранние сочинения принадлежат к жанру публицистических эссе или литературной критики и не имеют философской ценности. Опровержению этого мнения, подкрепленному невниманием к интеллектуальному контексту, повлиявшему на работы Арендт 1930–1940 гг., к влиянию самой Арендт на интеллектуальные дискуссии в послевоенной Германии и к тематическим связям между ее ранними эссе и более поздними, «большими» работами, посвящена в том числе и настоящая статья.

История сотрудничества Арендт с издателями «Die Wandlung» начинается в декабре 1945 г. В своем втором послевоенном письме Ясперс предлагает Арендт прислать для одного из первых выпусков текст, «объединяющий всех нас – американцев и европейцев, в том числе и немцев, – друг с другом, вопреки всем ограничениям», или подготовить «тематический» обзор, «информирующий» читателей о какой-нибудь актуальной проблеме современной американской философии². Второй вариант Арендт сразу же отвергает: в ответном письме она объясняет Ясперсу, что не чувствует себя достаточно компетентной в интересующих американскую философию вопросах³. В то же время, она с готовностью соглашается опубликовать переведенную версию ее английского эссе «Организованная вина и универсальная ответственность» («Organized Guilt and Universal Responsibility»⁴), «беспристрастность и справедливость» которого Ясперс особо отмечает в одном из своих писем⁵. За первым текстом следуют дру-

² См. Ясперс к Арендт, 2 декабря 1945 г.

³ Арендт к Ясперсу, 29 января 1946 г. Тема влияния американской философии на Арендт и влияния самой Арендт на американскую философию (в частности на прагматизм), несомненно, заслуживает отдельного анализа. Впрочем, это влияние, на мой взгляд, становится заметно лишь в более поздних работах, начиная с «Ситуации человека» (1958).

⁴ Английская версия опубликована в журнале «Jewish Frontier» (12.01.1945).

⁵ Ясперс к Арендт, 10 декабря 1945 г.: «Особенно воодушевили меня Ваши статьи о немецкой проблеме (в «Partisan Review») и о немецкой вине. Я словно вдохнул воздух, по которому так тосковал: воздух беспристрастности и справедливости, а также скрытой, почти не дающей себе слова любви. Только так можно говорить о подобных вещах. Когда я и Ласки получили летом номер «Partisan Review», он привел нас в восторг: нам будто снова открылся мир, в котором можно говорить и спорить друг с другом...»

гие. Между 1946 и концом 1949 г. в «Die Wandlung» выходят шесть эссе Арендт: «Организованная вина»⁶, «Об империализме»⁷, «Франц Кафка»⁸, «Концентрационные лагеря»⁹, «Есть только одно право человека»¹⁰ и «Партии и движения»¹¹. Большая часть текстов представляет собой немецкие переводы английских эссе, некоторые из которых были отредактированы Арендт для новой публикации. Единственное исключение составляет эссе о «Концентрационные лагеря», вышедшее сначала на немецком, а несколькими месяцами позднее на английском языке. В 1948 г. опубликованные на тот момент в «Die Wandlung» тексты выходят в виде книги «Шесть эссе» («Sechs Essays»)¹², из которой почти 20 лет спустя возникает новый, дополненный сборник статей «Скрытая традиция» («Die Verborgene Tradition», 1976). Не включенная в «Шесть эссе» статья «Партии и движения» становится, в несколько измененной форме, частью вышедшей в 1951 г. центральной работы Арендт «Истоки тоталитаризма».

В предисловии к вышедшему в 1945 г. первому выпуску журнала «Die Wandlung», высоко оцененному Арендт¹³, Ясперс поднимает тему интеллектуального кризиса в Германии, вызванного потерей ориентиров и нормативных связей в ситуации повсеместной социальной атомизации:

Мы потеряли почти все: государство, экономику, надежные условия нашего физического существования. Хуже того, мы утратили [...] связывающие нас всех нормы, моральное достоинство, самосознание, объединяющее нас как народ. [...] Но все ли мы потеряли? Нет,

⁶ *Arendt H. Organisierte Schuld // Die Wandlung. I. Jg. 4. Heft. 1945/46. S. 333–344.*

⁷ *Arendt H. Über den Imperialismus // Die Wandlung. I. Jg. 8. Heft. 1945/46. S. 650–666.*

⁸ *Arendt H. Franz Kafka, von neuem gewürdigt // Die Wandlung. I. Jg. 12. Heft. 1945/46. S. 1050–1062.*

⁹ *Arendt H. Konzentrationslager // Die Wandlung. III. Jg. 1948. 4. Heft. S. 309–330.*

¹⁰ *Arendt H. Es gibt nur ein einziges Menschenrecht // Die Wandlung. IV. Jg. 4. Heft. 1949. S. 754–770.*

¹¹ *Arendt H. Parteien und Bewegungen // Die Wandlung. IV. Jg. 6. Heft. 1949. S. 459–473.*

¹² Редакторами сборника, вышедшего в серии «Schriften der Wandlung», выступили издатели журнала. В книгу вошли четыре опубликованных эссе, а также две другие статьи: «Что такое экзистенц-философия?» и «Скрытая традиция».

¹³ Арендт к Ясперсу, 29 января 1946 г.: «[Первый выпуск] “Die Wandlung”, за который я Вас сердечно благодарю и который у нас переходит из рук в руки, хотя я вообще не хотела выпускать его из рук, – это прекрасное начало. Ваше предисловие великолепно [...]».

мы, выжившие, по-прежнему здесь. [...] Мы восстаем из Ничто. Мы должны открыто говорить друг с другом. Давайте посмотрим, что мы хотим сказать друг другу. За двенадцать лет мы изменились внутренне и внешне. [Мы просим] немцев говорить, делиться с нами своими мыслями, рисовать картины [настоящего], публично давать почувствовать, что они живы и как они живут. [...] Мы надеемся говорить друг с другом несмотря на радикальные условия. [...] Одиночка бессилён: ему необходим поддерживающий его общественный дух. [...] С помощью публичной дискуссии мы хотим осознать, какими обязательствами мы живем. [...] Наши задачи – настоящее и будущее. Всякая мысль, которая может быть для них существенна, должна найти место в этом журнале: политика, экономика, техника, право, науки, искусство и поэзия, теология и философия¹⁴.

Как и Дольф Штернбергер, который, правда, имеет виду в большей степени политические, а не «только духовно-умственные» преобразования¹⁵, Ясперс придает понятию *Wandlung* как минимум три смысла. Во-первых, идея перемен как далеко не всегда положительного изменения отсылает к ситуации разрыва с традицией и духовному кризису национал-социалистического периода, равно как и к вопросу о его причинах. Во-вторых, преобразования представляют собой современные, во многом обусловленные внешними влияниями изменения послевоенного времени в Германии. Наконец, в-третьих, преобразования связаны с ориентированным на будущее проектом духовного обновления – проектом, возможным лишь при условии диалога и преодоления политических, социальных, языковых и других границ. Таким образом, амбициозный план издания журнала предполагал три цели: переработку прошлого¹⁶, описание и анализ

¹⁴ Die Wandlung, I. Jg. 1. Heft. 1945/46. S. 5–6.

¹⁵ Sternberger D. Plan einer Zeitschrift im besetzten Gebiet // Sternberger D. Gesammelte Schriften. Band XI. Fr. a.M., 1991. S. 128, прим. 1: «Я не придавал этому слову лишь духовно-умственное значение, но думал и (вероятно, в первую очередь) о значении политическом: о переходе от господства силы к конституционному государству, от бесправного режима к правовому государству, от политических репрессий к возвращению образования». См. также тезис Штернбергера о необходимости постепенного преодоления разрыва между духом и политикой: Sternberger D. Versuch zu einem Fazit // Die Wandlung. IV. Jg. 8. Heft. 1949. S. 704.

¹⁶ В качестве примера можно упомянуть статьи Штернбергера, Шторца и Зюскинда, посвященные ключевым понятиям национал-социалистического языка. В 1957 г. статьи были выпущены отдельным сборником под заголовком «Из словаря нечеловека» («Aus dem Wörterbuch des Unmenschen»).

ситуации настоящего¹⁷ и подготовку программы будущей трансформации на нескольких уровнях. У Ясперса, Штернбергера и Арендт эти задачи, интерпретируемые ими не одинаково, выходят далеко за рамки проекта нового журнала. Для Штернбергера «Die Wandlung» стал не только стартовой площадкой для дальнейших издательских проектов (в первую очередь для журнала «Die Gegenwart»), но и, что более важно, для формулировки нового, отчетливо антишмиттианского понятия политического¹⁸, во многом определившего траекторию развития послевоенной немецкой политологии. Для Ясперса работа над изданием «Die Wandlung» была важным этапом, однако само понятие обновления, как и связанные с ним понятия кризиса и пограничного состояния, были сформулированы им значительно раньше – уже в работах 1910–1920-х гг. Реализовать практическую часть своего проекта Ясперсу по большому счету так и не удастся – не по причине скоростного закрытия журнала, а вследствие крайне критического отношения к послевоенной политике Германии, вынудившей его переехать в Швейцарию в 1948 г., приобретя среди бывших коллег репутацию человека, ищущего удобный предлог для ухода от сложных проблем¹⁹. Не участвуя в издании журнала и чувствуя себя частью сообщества немецких интеллектуалов, Арендт, как может показаться на первый взгляд, вынуждена ставить перед собой гораздо более скромные цели. Однако именно ей – не в последнюю очередь на собственном примере – удастся перенести многие теоретические тезисы Ясперса о духовном преобразовании в практическую плоскость.

В период своего сотрудничества с «Die Wandlung» Арендт в основном остается в США. Лишь в 1949 г. она приезжает в Германию на несколько месяцев – в качестве члена Комиссии по восстановлению культурной жизни европейского еврейства. Предложение

¹⁷ Этой цели служила рубрика «Дневник», включавшая в себя литературно оформленные путевые заметки из разных областей Германии.

¹⁸ В своей инаугурационной лекции в университете Гейдельберга, прочитанной им 23 ноября 1960 г., Штернбергер подчеркивает, что предметом и целью политического является мир, недвусмысленно и резко противопоставляя это понимание предложенной Шмиттом трактовке.

¹⁹ Впрочем, есть и другая причина: в немецких университетах Ясперс не оставил после себя учеников поскольку считал, что ключевые элементы его философии нельзя сделать предметом обучения: по его мнению, философия учатся не через познание ее содержания. Подробнее см.: *Salamun K. Karl Jaspers. 2. Aufl. Würzburg, 2006. S. 127.*

Штернбергера стать соиздателем журнала Арендт категорически отвергает: она твердо убеждена, что заметная уже в 1920-х гг. и затронутая многими философами²⁰ проблема социального радикализма и публичной ненависти (не только к евреям) не исчезла в Германии с концом войны, всего лишь перейдя в скрытую форму. Но даже в выбранной ею более узкой роли автора журнала Арендт, несмотря на пространственную и духовную дистанцию по отношению к послевоенной Германии, удается придать практическую форму сформулированным издателями «Die Wandlung», на первый взгляд слишком общим и даже, в определенном отношении, утопическим задачам мышления и действия. В качестве лица без гражданства²¹ Арендт представляет всех эмигрантов, которых война вынудила покинуть их место жительства, разорвать социальные связи и вынужденно отказаться от политических прав. «Как еврейка»²², она чувствует себя обязанной открыто говорить о проблемах, замалчиваемых в Германии. Как философ (или по крайней мере человек с философским образованием, поскольку Арендт не называет себя философом), она берет на себя большую задачу: с помощью критического мышления, образцом которому служит метод Сократа, изучить важнейшие причины современных социальных и политических процессов, одновременно разоблачая господствующие, вызванные культурными и социальными ограничениями и различиями предрассудки. В этом отношении подход Арендт успешно конкурирует со сформулированной Максом Хоркхаймером и Теодором Адорно теоретической программой первого поколения Франкфуртской школы, во многом дополняя ее.

²⁰ В частности Вальтером Беньямином, а также Гельмутом Плеснером, чью работу «Границы сообщества» Арендт, к сожалению, не читала.

²¹ Арендт была лишена немецкого гражданства в 1937 г. Лишь в конце 1951 г. она получает гражданство США (см. Арендт к Ясперсу от 28 сентября 1951 г., а также письмо Яспера к Арендт от 12 января 1952 г.).

²² См. в особенности предварительное замечание редакции журнала (I. Jg., 4. Heft, S. 333) к эссе «Организованная вина» – первой публикации Арендт в «Die Wandlung»: «Ханна Арендт происходит из Кенигсберга и защитила диссертацию в Гейдельберге [...]. С началом национал-социалистического правления она покинула страну, нелегально выехав через Чехословакию и Швейцарию во Францию, а оттуда в 1938 г. в США. С тех пор она работает свободным философским публицистом в Нью-Йорке. / Когда мы попросили ее прислать нам статью, она написала, что не может просто и как ни в чем не бывало вернуться (а сотрудничество с немецким журналом и есть форма возвращения), если ее не примут “как еврейку”».

II. Прошлое как разрыв: традиция, дистанция и вопрос о вине

С середины 1940-х гг. Арндт, как и Карл Ясперс (хотя и на гораздо большем отдалении и пока что с существенно меньшим влиянием), участвует в дискуссиях о коллективной ответственности, или вине, немцев за совершенные нацистами преступления и о возможности заполнить ценностный вакуум, образовавшийся в публичной сфере вследствие агрессивного отрицания и уничтожения предшествующих традиций²³. Вопросу о виновности немцев посвящена знаменитая, вышедшая в 1946 г. книга Ясперса «Die Schuldfrage», в которой выделены четыре типа вины – криминальная, политическая, моральная и метафизическая вина, относящиеся, соответственно, к сфере компетенции суда, власти, совести и бога. К этой же теме он возвращается и в вызвавшем большие споры докладе «Наше будущее и Гёте» («Unsere Zukunft und Goethe»), прочитанном им 28 августа 1947 г. во Франкфурте по случаю получения премии Гёте: в нем Ясперс прямо говорит о невозможности некритического возвращения к классическим традициям, подвергая последние суровому анализу с современных позиций. Мысли Ясперса о причинах и способах преодоления кризиса мышления, в том числе мышления философского, в ситуации кризиса традиций созвучны идеям Арндт, впервые выраженным в ее эссе второй половины 1940-х гг., многие из которых были опубликованы в «Die Wandlung». Общим является не только ощущение атмосферы и поставленный диагноз, но и некоторые идеи, в частности касающиеся конструктивно-терапевтической роли диалога в публичном пространстве. Впрочем, в анализе прошлого, причин кризиса традиций Арндт, на мой взгляд, продвигается дальше своего наставника.

²³ Среди других участников дискуссии стоит упомянуть теолога Мартина Дибелюса (в первую очередь его текст «Selbstbesinnung des Deutschen», написанный в 1946 г.). Косвенное влияние на обсуждение оказывал целый ряд интеллектуалов, среди которых был и Бертольд Брехт, иронически изобразивший историю возвышения нацизма в «Карьере Артуро Уи, которой могло бы и не быть» (1941). В телевизионном интервью с Роджером Эррерой 1973 г. Арндт ссылается на пьесу Брехта как важный источник, определивший ее трактовку понятия банальности зла: Брехт представляет нацистов не великими политическими преступниками, а обычными людьми, совершившими большие политические преступления. См.: *Arendt H. Ich will verstehen. Selbstauskünfte zu Leben und Werk* / Hg. von Ursula Ludz. München, 1996. S. 129.

В своем посвящении Ясперсу, предваряющему сборник «Шесть эссе», Арендт рассказывает читателям о целях и задачах ее мышления. Несмотря на опасность быть непонятой одновременно немцами и евреями, она считает необходимым не принимать чью-либо сторону в споре между «спланированным и осознанно реализованным» национал-социалистами превращением всех немцев в сообщников преступления и слепой ненавистью еврейского народа²⁴, поскольку в противном случае ей пришлось бы оставаться в атмосфере взаимного недоверия. Созданный из подобных «современных нам фактов» мир, который Арендт не считает «необходимым» или «неуничтожимым», принуждает ее к осознанной дистанции, к «беспристрастности суждения». Последняя, с одной стороны, освобождает от любого фанатизма, но с другой приводит к «одиночеству» мыслителя²⁵. Хотя этот опыт приносит с собой страдания, он необходим, чтобы «не цепляться судорожно за [...] собственное национальное прошлое»²⁶ и обрести возможность вновь говорить друг с другом.

Чем для Арендт является идея перемен из перспективы традиций прошлого? В своих эссе 1940-х гг. она неоднократно возвращается к вопросу о еврейской традиции, которая снова должна быть открыта. Ценность скрытой традиции, чье имя дает название сборнику 1976 года, состоит для нее не только в отдельных идеях, например в понятии социального парии, иллюстрируемого ею на примере Гейне, Лазара, Чаплина и Кафки. Крайне важный и для Ясперса, а также для Штернбергера и других авторов «Die Wandlung» исходный вопрос Арендт о культурно-идейной преемственности позднее неоднократно определял направление дебатов о мышлении после Аушвица, начиная с работ первого поколения Франкфуртской школы и заканчивая спорами вокруг провокационных тезисов Фориссона во Франции, дебатами немецких историков в 1980-х гг. и спровоцированным Слотердайком философским скандалом в Германии 1990-х гг.

Вслед за Ясперсом, Арендт видит в национал-социалистических «преобразованиях» радикальный разрыв с традицией: не переоценку, а отрицание всего хорошего и плохого, что было до сих пор. Этот разрыв, не поддающийся описанию традиционными средствами, был в той же мере неожиданным следствием политического и социального кризиса, как и результатом духовных изменений, примером кото-

²⁴ *Arendt H. Zueignung an Karl Jaspers // Sechs Essays. Heidelberg, 1948. S. 8.*

²⁵ *Zueignung an Karl Jaspers. S. 7.*

²⁶ *Zueignung an Karl Jaspers. S. 10.*

рых является трансформация идеи нигилизма. Выражаясь словами Арендт, было бы «совершенно неверным»²⁷ считать нацизм частью западной (католической или протестантской, греческой или римской) традиции. Вакуум, образовавшийся с распадом традиционных связей и ценностей, был заполнен не заново обнаруженными идеями прошлого, а фикциями, служащими средством для достижения актуальных целей и позволившими национал-социализму скрыть свои нигилистические базовые принципы за мнимо консервативным фасадом.

Можно ли считать разрыв с национал-социализмом, в свою очередь начавшимся с радикального разрыва, возвратом к более ранней традиции – или же речь идет о новом начале после кризиса европейского мышления? Являются ли чудовищные события двенадцать лет нацизма, в первую очередь Холокост, исключением из правила? И если это действительно так, нуждаемся ли мы в новом языке или совершенно новой теории для описания этого исключения? Хотя у Арендт поднятые выше вопросы не всегда звучат в открытой форме, ее тезисы и идеи предвосхищают, а во многом и служат введением в обширную дискуссию, не исчерпывающуюся полемикой о мышлении после Аушвица, но затрагивающую более широкую проблему мышления в ситуации кризиса.

Вопрос о достоинствах и недостатках возврата к более ранней традиции присутствует у Арендт постоянно, будь то в контексте обсуждения опасных следствий плана Моргентау или в рамках анализа различий между Французской и Американской революцией. В плане Моргентау, разбираемом ею в эссе 1945 г., посвященном так называемой «немецкой проблеме», Арендт видит попытку возврата к ситуации Европы между двумя мировыми войнами: предложенная министром финансов США концепция, ставящая целью политическое и экономическое ослабление Германии, в случае своего воплощения неизбежно привела бы не к изменению, а к повторению того же цикла социальной радикализации последних десятилетий²⁸. В качестве альтернативного ориентира, который действительно мог бы помочь достижению желаемого эффекта преобразований, Арендт предлагает пример из прошлого – программу европейского Сопротивления, в котором совместно участвовали французы и бельгийцы, испанцы и

²⁷ См. *Arendt H. Approaches to the 'German Problem' // Arendt H. Essays in Understanding, 1930–1954: Formation, Exile and Totalitarianism / Ed. by Jerome Kohn. New York, 2005. P. 108–109.*

²⁸ *Approaches to the German Problem. P. 115–117.*

немцы. На фоне угрозы возрождения национализма народов Европы Арендт призывает к европейскому федерализму²⁹. Для нее, таким образом, неприемлем и разрыв со всеми традициями, и некритический возврат к традиционным образцам. В духе Канта она ставит своей целью беспристрастный отбор принципов и подходов.

Первое опубликованное в журнале «Die Wandlung» эссе Арендт «Организованная вина» посвящено вопросу о вине как форме отношения к прошлому. Обращая свою критику против популярного представления о коллективной вине и попыток представить немцев «латентными нацистами» «со времен Тацита»³⁰, Арендт делает важное наблюдение, касающееся роли коллективной ответственности в рамках идеологии национал-социализма, не вытекающей ни из прежней истории Германии, ни из немецкого «национального характера»³¹: целью национал-социализма было подчинить всех немцев чудовищной машине организованного массового убийства³². Иллюстрируя свой тезис, Арендт цитирует отрывок из интервью американского корреспондента Рэймонда Дэвиса с сотрудником концлагеря Майдак, твердо убежденным, что он лишь исполнял приказы и тем самым не совершал никакого преступления³³. Побудительные причины (здесь она пользуется кантовским понятием «Triebsfeder»), по которым человек соглашается стать частью «машины массового убийства», заключаются, согласно Арендт, в том, что функционирование этой машины было представлено нацистами не как нечто экстраординарное, то есть не как исключение, а как норма. Тем самым и превращение личности из «ответственного члена общества» в безликую функцию происходило в совершенно обыденной манере³⁴.

²⁹ Approaches to the German Problem. P. 114–115.

³⁰ Arendt H. Organisierte Schuld // Die Wandlung. I. Jg. 4. Heft. 1945/46. S. 337. Во избежание разночтений, вызванных различиями между отдельными вариантами статей Арендт, никак не отраженными в русских изданиях, все ссылки на ее эссе 1940-х гг. здесь и далее даются по оригинальной немецкой версии, опубликованной в «Die Wandlung».

³¹ Organisierte Schuld. S. 340.

³² Organisierte Schuld. S. 338.

³³ Organisierte Schuld. S. 339–340.

³⁴ Organisierte Schuld. S. 341–342. Разумеется, тезис Арендт об антиконсервативном характере тоталитарных режимов можно распространить и на сталинизм. См., в частности, *Teichmann C. Macht der Unordnung. Stalins Herrschaft in Zentralasien 1920–1950.* Hamburg, 2016 (на примере политической системы в советской Средней Азии).

В переписке Арендт с Ясперсом, в частности в обсуждении его книги о вине, можно найти еще несколько аргументов, касающихся преступлений недавнего прошлого. Во-первых, Арендт упрекает Ясперса в отсутствии упоминания о необходимости четко декларировать политическую готовность помочь жертвам нацистского режима, в том числе всем эмигрантам. Во-вторых, она критикует его восприятие нацистской политики, результаты которой, несмотря на чудовищный, нечеловеческий характер совершенных преступлений, не вписывающихся ни в один правовой порядок, Ясперс в своей классификации относит к криминальной вине³⁵. Возможность описания этой «бездны», по словам Арендт, превосходит ресурсы правовой системы понятий. Хотя Ясперс полностью соглашается с первым возражением³⁶, он считает необходимым защитить понятие криминальной вины. В ответном письме к Арендт он поясняет, что его цель заключается не в том, чтобы придать национал-социалистическим преступлениям «сатанинскую величину», а напротив – представить вещи «во всей их банальности» и «скромной ничтожности»³⁷. Метафорический способ описания нацизма Ясперс оставляет на откуп литераторам, хотя, по его словам, даже Шекспир не смог бы описать этот предмет, не прибегая к уловкам «эстетической неистинности»³⁸. И хотя объяснение Ясперса оказывает несомненное влияние на Арендт из терминологической перспективы³⁹, предложенные аргументы убеждают ее лишь «наполовину»⁴⁰. В свое письмо 1951 г. Арендт вновь подчеркивает,

³⁵ Арендт к Ясперсу, 17 августа 1946 г.

³⁶ Ясперс к Арендт, 19 октября 1946 г.: «Меня особенно тревожит, что я полностью с Вами согласен. В сегодняшней Германии я ощущаю невозможность и одновременно безнадежность от того, что может стать с немцами, если от них не приходится ждать согласия даже с такой декларацией. Еще не все сроки прошли для подобного ответа. Ваша мысль не выходит у меня из головы, я не забуду ее».

³⁷ Ясперс к Арендт, 19 октября 1946 г.

³⁸ Ясперс к Арендт, 19 октября 1946 г.

³⁹ Подробнее о происхождении арендтовского термина «банальность зла» см. *Kämpfer H. Der Schulddiskurs in der frühen Nachkriegszeit*. Berlin; N.Y., 2005, S. 217 (сноска 73).

⁴⁰ Арендт к Ясперсу, 17 декабря 1946 г.: «Ваш ответ на мои возражения о том, что поступки нацистов находятся “по ту сторону преступления и невинности”, наполовину убедило меня. Я понимаю, что моя формулировка в предыдущем письме рискует придать им «сатанинскую величину», которую я, как и Вы, полностью отвергаю. И все же существует разница между человеком, идущим убивать свою старую тетушку, и людьми, которые, даже не принимая в расчет

что характер современного зла, которое делает лишним «человека как такового», намного радикальнее, чем это можно было предсказать⁴¹, так что к нему не применимо традиционное, ориентированное на христианские заповеди представление о запретном и дозволенном. Наблюдения Арендт во время процесса над Эйхманом лишь подтверждают ее сомнения.

III. Изменения и их отсутствие в настоящем: нигилизм и интеллектуальное одиночество

Крушение тоталитарной системы господства оставляет за собой обломки социальных и политических структур. Культурная традиция, с ее до сих пор казавшимися незыблемыми идеалами, сломана. Каждый чувствует себя изолированным, а взаимное недоверие препятствует пониманию. Нигилизм отсутствия мышления по-прежнему жив, а энтузиазм искусственной общности сменяется разочарованием и бессилием. Вестниками будущих изменений выступает горстка вынужденно удалившихся в эмиграцию интеллектуалов, лишь немногие из которых в прошлом оказывали активное сопротивление тоталитарному консенсусу большинства. В новой ситуации социальной атомизации поисками нового общего начала занимаются те, кто вынужденно испытал интеллектуальное одиночество. Взяв на себя задачу обновления, они рискуют навлечь на себя обвинения в предательстве собственной страны и культуры. Из перспективы своей философии Арендт прекрасно понимает всю сложность ситуации.

С окончанием войны и национал-социалистического правления мышление еще не становится свободным. Перемены осуществляются не сразу: это длительный, болезненный процесс, который – как и в 1920-х гг. – протекает в ситуации духовного, социального и политического кризиса. В английских и немецких статьях второй половины 1940-х гг. Арендт подробно останавливается на важнейших опасностях и препятствиях на пути обновления послевоенной Германии. Свои впечатления о настоящем Германии и Европы, полученные Арендт во время поездки 1949 г., она описывает в эссе «Последствия нацистского правления», опубликованном в 1950 г. в американском

пользу (депортации были чрезвычайно вредны для ведения войны), создают фабрики для производства мертвых. Одно несомненно: следует бороться с любыми попытками создать миф об ужасах [нацизма]».

⁴¹ Арендт к Ясперсу, 4 марта 1951 г.

журнале «Commentary». Другие, более ранние наблюдения, сделанные издаелека, можно найти в ее немецких текстах. Многие из них становятся частью сквозных тем, играющих структурообразующую роль в ее дальнейших работах.

Одну из самых больших опасностей, упоминаемых Арендт в эссе, в больших трудах, а также в лекциях и дневниках, в которых она разбирает центральную тему связи между мышлением и действием, представляет собой нигилизм. Эта уничтожающая воля к ничто и к отсутствию мышления облегчает приспособление к любой новой – тоталитарной или демократической – системе, лишая выбравшего ее необходимости задавать себе критические вопросы. Заимствуя понятие нигилизма у Ницше, Арендт существенно изменяет его, добавляя к этическим аспектам аспекты политические и используя понятие «нигилизм» для описания истоков и проявлений национал-социализма. Впрочем, критический посыл Арендт значительно шире, поскольку в ее глазах речь идет о любом способе отказа от рефлексии, а также об отрицании всех предшествующих традиций в пользу безответственности выбора.

В «The Life of the Mind», а также в своих эссе и лекциях⁴² Арендт постоянно напоминает о том, что нигилизм разрушает связи между мышлением и действием, искажая представление о мотивации собственных поступков и пробуждая в человеке волю к отсутствию мышления и к ничто. О современных носителях активного нигилизма Арендт впервые упоминает уже в статье «Об империализме» («Über den Imperialismus», 1946), в которой она предпринимает попытку поделить нигилистов на три основных группы, из которых наибольший интерес для нас представляет последняя. В противоположность многим «ученым», «осознанно или неосознанно верящим в Ничто», а также тем, кто полагает, что обладает опытом Ничто, хотя бы раз познав его в собственной жизни, люди последней группы, согласно меткому определению Арендт, берут на себя невыполнимую задачу «производства Ничто», «громоздя одно уничтожение на другое»⁴³. Уничтожение существующего в настоящем ради производства Ничто происходит при явном или молчаливом одобрении большинства, которое видит в этом процессе претворение в реальность своих «тайных

⁴² Речь идет, в частности, лекциях о Сократе, являющихся частью лекционных циклов 1954 и 1974 г. (последний вошел в издание «The Life of the Mind»).

⁴³ *Arendt H. Über den Imperialismus // Die Wandlung. I. Jg. 8. Heft. 1945/46. S. 662–663.*

мечтаний или самого сокровенного опыта»⁴⁴. Практическое использование подобной формы нигилизма в национал-социализме является для Арендт логическим следствием начавшегося во второй половине XIX в. распространения империализма, проявлявшегося в союзе между «капиталом» и «толпой». Стремление мобилизовать лишённые всяких принципов массы в конечном итоге приводит к процветанию антисемитизма, поскольку евреи становятся опасными успешными конкурентами империалистической «большой политики». На академическом уровне этот процесс интеллектуальной эрозии выражается в подмене понятие народа понятием расы, в том числе в естественных науках, но также и в гуманитарных дисциплинах (в данном случае Арендт неявно критикует и логику развития философской антропологии в 1930–1940 гг. XX в., и идеологизированную трактовку дарвинизма).

Одним из наиболее важных достижений Арендт в этой связи является четкое и емкое описание контраста между консервативным фасадом национал-социализма и его совершенно антиконсервативным содержимым, скрывающимся под маской следования «германским» традициям, а на деле разрушающим все традиции, с которыми он сталкивается. Именно нигилизм позволяет многим не только успешно приспособиться к национал-социалистической идеологии, но и – после ее краха – столь же успешно адаптироваться к новой ситуации. Когда в 1963 г. Теодор Адорно в своем эссе «Что означает: переработка прошлого» («Was bedeutet: Aufarbeitung der Vergangenheit») говорит о следах национал-социалистического мышления в современной ему Германии, он по сути, из несколько другой перспективы, регистрирует тот же феномен, кратко описанный Арендт полутора десятилетиями ранее.

Перемещая понятие нигилизма в политическую сферу, Арендт в своих эссе конца 1940-х гг. и в «Истоках тоталитаризма» прослеживает его связь с национализмом и идеей особенности, исключительности определенных народов или социальных групп. Упомянув о деле Дрейфуса, Арендт совершенно справедливо подчеркивает, что в атмосфере нигилизма перестают работать традиционные представления и институты, в том числе и прежние законы. Так, в ходе спора дрейфусаров с антидрейфусарами⁴⁵ не одна, а обе стороны *de facto* выбирают нигилизм, подчиняя свои аргументы власти момента, а не руко-

⁴⁴ Über den Imperialismus. S. 662–663.

⁴⁵ См.: Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996. С. 173.

водствуясь долгосрочными, тщательно взвешенными соображениями.

Неспособность большинства увидеть нигилистическую сторону национал-социалистического режима внушает Арендт страх во время ее путешествия по послевоенной Германии: повсеместно наблюдаемая неспособность критически анализировать прошлое, с точки зрения Арендт, препятствует возможности нового начала. По этой причине она скептически относится к надеждам на изменение Германии «извне», под влиянием союзников: с одной стороны, из-за того, что многие немцы направляют свой гнев именно на оккупационные войска, а с другой – из-за многочисленных неверных решений самих союзников, таких как план Моргентау и изгнание немецких меньшинств из ряда европейских стран⁴⁶. Неудивительно, что Арендт, как и Ясперс, в целом пессимистически оценивает ситуацию в Германии конца 1940 г., выражая сомнения в возможности начать все заново.

И все же за отдельными замечаниями и скупыми формулировками в текстах Арендт проглядывают контуры позитивной программы, которую немцам еще предстоит реализовать одновременно с осмыслением прошлого. Согласно Арендт, для преодоления моральной и политической индифферентности⁴⁷ нужно не отрицать собственную ответственность как за ужасное прошлое, так и за разрыв с тоталитарным мышлением. Признание коллективной, политической ответственности, как подчеркивает Арендт в не переведенном на русский язык послесловии к расширенному английскому изданию «Эйхмана в Иерусалиме», не равнозначно признанию вины каждого гражданина. Такая ответственность «весьма далека от того, что совершил индивидуальный член группы и потому не может оцениваться в моральных терминах или быть предметом судебного разбирательства»⁴⁸. Признание ответственности, в свою очередь, дает возможность действовать по собственной инициативе⁴⁹, не прячась за неразборчивое мо-

⁴⁶ См. *Arendt H. The Aftermath of Nazi Rule: Report from Germany // Arendt H. Essays in Understanding, 1930–1954: Formation, Exile and Totalitarianism / Ed. by Jerome Kohn. N.Y., 2005. P. 249–250.*

⁴⁷ Понятие моральной индифферентности употребляет не сама Арендт, а историк Ганс Моммзен – в предисловии к ее книге «Эйхман в Иерусалиме»: *Mommsen H. Hannah Arendt und der Prozeß gegen Adolf Eichmann // Arendt H. Eichmann in Jerusalem: Ein Bericht von der Banalität des Bösen. München, 1986. S. XVII.*

⁴⁸ Цит. по более позднему переизданию: *Arendt H. Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil. N.Y., 1994. P. 298.*

⁴⁹ Ср. напр., Арендт к Ясперсу, 17 августа 1946 г. (о необходимости официально предложить помощь жертвам нацистского режима).

ральное понятие коллективной вины, одновременно обвиняющее и освобождающее всех от необходимости иметь дело с собственным прошлым.

IV. Изменения из перспективы будущего: мышление и политическое действие

Как и Фридрих Ницше, Арендт принадлежит к тем мыслителям, которые делают примером собственную жизнь. Но если Ницше достигает своей цели с помощью художественных приемов, благодаря которым ему удается соединить свой жизненный путь с траекторией развития собственной философии, жизненный путь Арендт, наоборот, изначально оказывает большое влияние на ее мысль: ее поиск традиций и образцов ретроспективен в том числе и по отношению к ее собственной биографии. Ее идея изменений связана с этим поиском, продолженным ею и после 1950 г.

Внешним, социальным и политическим, изменениям должны предшествовать изменения внутренние. Для Арендт, как и для Ясперса, последние возможны лишь в диалоге с другими. У истоков изменений находятся отдельные личности, добровольные или невольные аутсайдеры, способные к критическому мышлению дистанции. Примером тому для Арендт служит еврейская писательница Рахель Фарнхаген, с которой сама Арендт часто себя отождествляет – в контексте трагического разрушения связей между еврейской и немецкой культурой. Список исторических образцов, поначалу ограниченный представителями еврейской традиции (в работах 1930–1940 гг.), позднее значительно расширяется, включая в себя выдающихся мыслителей западной традиции в целом. Наиболее заметную роль в нем играет фигура Сократа.

В своих лекциях о мышлении и действии после Французской революции, прочитанных ею в 1954 г. в университете Нотр-Дам, Арендт впервые формулирует центральную оппозицию платоновского «учения» и сократического диалога. Сократ с помощью майевтического метода просвещает участников диалога относительно их собственного мнения (δόξα), трактуя философский диалог как диалог между друзьями, имеющими равноправный статус. Платон, напротив, не верит в способность убеждать других с помощью диалога и пытается научить публику определенным истинам⁵⁰. Несмотря на спорный

⁵⁰ В настоящей статье я лишь кратко упоминаю о роли Сократа и сократического

характер историко-филологических оснований арендтовской оппозиции, она оказывается чрезвычайно продуктивной в рамках анализе политической роли мнения. Призыв Ясперса к открытому обмену мнениями из перспективы Арендт представляется поводом для дружеского диалога, ни один из участников которого не отрицает позиции другого.

В ходе рассмотрения практических следствий сократовского диалога мы быстро сталкиваемся с серьезной проблемой: как признает сама Арендт, все сократические беседы завершаются апориями. Если мы предположим, что сократический диалог действительно лишает его участников способности к политическому действию, как утверждают обвинители Сократа, тогда исчезает связь между внутренними (духовными) и внешними (социальными и политическими) изменениями. Кроме того, сократический «ветер мышления», от которого нет спасения в надежном знании, приносит с собой старую проблему нигилизма, подталкивающего отчаявшуюся личность, например некоторых учеников Сократа, к цинизму в общественной жизни⁵¹. Последнюю проблему Арендт рассматривает в своих лекциях 1974 года, в которых она называет нигилизм неизбежным следствием критического мышления, но не его атрибутом: нигилизм в конечном счете является продуктом ресентимента тех, кто боится постоянных изменений⁵².

Ответ на вопрос о политической ценности диалога Арендт дает в «Ситуации человека» («The human condition») и в «О революции», одновременно пытаясь реабилитировать роль мнения в политической среде. Главный тезис Арендт заключается в том, что отвергнутое Платоном понятие мнения обретает новую жизнь во время Американской и Французской революции. В Европе, в том числе и в Германии, влияние власти аристократии и сильной традиции социального неравенства препятствует его институционализации, что позднее приводит к тирании единственного (и единого) мнения. Благодаря отсутствию этой проблемы в США отцы-основатели государства беспрепятственно сделали мнение основанием двухпалатной системы управления, так что мнения в сенате уравнивали интересы в Па-

метода в философии Арендт. Подробнее об этой теме см.: Жаворонков А.Г. Философ и государство: Ханна Арендт о философии Сократа // Социологическое обозрение. Т. 16. № 3. 2017. С. 303–318.

⁵¹ Арендт Х. Жизнь ума. СПб, 2013. С. 173–174.

⁵² Жизнь ума. С. 173.

лате общин⁵³. В положениях больших международных организаций XX в., в частности Лиги Наций, неоднократно упоминаемой Арендт в «Истоках тоталитаризма», не нашлось места свободе мнений, как и другим правам человека. Эта ситуация имела вполне осязаемые негативные последствия для национальных меньшинств, в частности для лишившихся гражданства беженцев Первой мировой войны, о которых Арендт пишет в эссе «Есть только одно право человека». И хотя представление Арендт о двухпалатной системе из современной перспективы представляется крайне спорным, плюралистические основания ее аргументации имели важные следствия для современной полемики о федерализме, ставшей противовесом возрождающейся идее национального государства.

В отличие от Ясперса, Арендт различает диалог как обмен мнениями между индивидами и социальными группами – и как внутренний разговор. Последний может происходить лишь в отсутствии вражды с самим собой, предполагает, что мы не совершаем никакого зла, поскольку мы не смогли бы жить вместе с преступником⁵⁴. Для внутренних изменений необходим постоянный критический диалог между Я и Меня: вместо покинутости, т.е. отсутствия диалога в ситуации полной беспомощности и потери ориентиров, одиночество даже в отсутствии «реального» партнера по диалогу открывает путь диалогическому мышлению. Внутренняя целостность возникает лишь тогда, когда в этот дружеский диалог включается другая личность.

Какое влияние оказывают эти внутренние изменения на изменения внешние? Арендт признает, что мышление «как таковое» приносит «мало пользы» обществу, поскольку не создает новых ценностей⁵⁵. Тем не менее, в особых, пограничных ситуациях именно диалогическое мышление оказывается абсолютно необходимым:

[...] Когда я переступаю границы своего собственного отрезка жизни и начинаю размышлять, вынося суждения о прошлом и будущем, создавая проекты воли, мышление перестает быть политически маргинальной деятельностью. Подобные размышления неизбежно проявляются в чрезвычайных политических ситуациях.

Когда каждый бездумно отдается течению того, что делают и во что верят все остальные, мыслители уже не остаются на заднем плане, потому что их отказ выйти из тени бросается в глаза и тем самым

⁵³ *Arendt H. On Revolution. N.Y.; L., 1990. P. 227–229.*

⁵⁴ Жизнь ума. С. 185.

⁵⁵ Жизнь ума. С. 189.

становится своего рода действием. В подобных чрезвычайных ситуациях очистительный аспект мышления (майевтическое искусство Сократа, выявляющее последствия непроверенных мнений и тем самым разрушающее их [...]) опосредованно проявляет свой политический характер. Это разрушение оказывает освобождающее воздействие на другую способность – способность суждения, которую можно не без основания назвать самой политической среди прочих духовных способностей человека⁵⁶.

Понятие «пограничная ситуация» Арендт заимствует у Ясперса⁵⁷. В то время как Ясперс трактует его экзистенциально (в частности считая вину одной из ее форм), Арендт использует идею пограничной ситуации в антропологическом смысле *conditio humana* – как специфический признак (*differentia specifica*) человека, способность поставить под вопрос не только коллективные ценности и убеждения, но и собственное существование. Вместо пропагандируемого Карлом Шмиттом суверенного решения, способного игнорировать любые альтернативные мнения, для Арендт именно в ситуации исключения важна возможность критического выбора между разными мнениями. Скрытым, но при ближайшем рассмотрении очевидным примером для анализа роли мнения, помимо Французской и Американской революции, оказывается судьба послевоенной Германии и Европы.

В «Истоках тоталитаризма», «Эйхмане в Иерусалиме», «Ситуации человека», «О революции», а также в посмертно опубликованной «Жизни ума» Арендт формулирует более подробные философские ответы на вопросы, поставленные ею в ее эссе 1940-х гг. Вопрос об истоках нигилизма мышления связывает ее эссе и ранние лекции с поздними текстами о Сократе. Проблема выбора и ответственности становится импульсом для формирования понятия банальности зла. В свою очередь, важное для ее работ 1930–1940 гг. понятие парии (социального, политического и интеллектуального изгоя) переходит и в тексты 1950–1970 гг., в которых рассматривается как вопрос о бу-

⁵⁶ Жизнь ума. С. 190. Перевод мой. – А.Ж.

⁵⁷ См. 2 книгу «Психологии мировоззрений», а также анализ термина пограничной ситуации в эссе Арендт «Что такое экзистенц-философия?». Как совершенно справедливо отмечает Н.В. Мотрошилова, у Ясперса Арендт находит совершенно иную, чем у Хайдеггера, практически ориентированную модель анализа экзистенции человека, в т.ч. на примере понятия пограничной ситуации, высвечивающего ограниченность человека, но вместе с тем и условия его свободы и действия (см.: Мартин Хайдеггер и Ханна Арендт. С. 214–217).

дущем Германии и Европы, так и более общий, вневременной вопрос о стратегиях действия в ситуации кризиса ценностей. Связующим звеном между ранним периодом и более поздними работами оказывается и тема интеллектуального обновления.

В отличие от теоретического, хотя и грандиозного в своем охвате представления Яспера об интеллектуальном обновлении, у Арндт мы находим практически ориентированную программу, сформулированную из межкультурной перспективы и ставящую перед собой амбициозную цель преодоления национальных предрассудков и вытекающих из них ограничений мышления. Несмотря на свою прочную связь с конкретной исторической ситуацией, аргументы Арндт не выглядят устаревшими с современной точки зрения. Подхваченная и развитая ею кантовская идея критического мышления, с которого начинаются внутренние, а затем и внешние изменения, и ее тезис о необходимости тщательно выбирать из множества мнений в ситуации кризиса, актуальны для любых ситуаций, нарушающих или полностью разрушающих привычный нам ход событий. С такими ситуациями мы сталкиваться постоянно – пока остаемся людьми.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арндт Х.* Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. И.В. Борисовой и др.; послесл. Ю.Н. Давыдова; под ред. М.С. Ковалевой, Д.М. Носова. М.: ЦентрКом, 1996.
- Арндт Х.* Vita activa, или О деятельной жизни / Пер. с нем. и англ. В.В. Бибикина. СПб.: Алетейя, 2000.
- Арндт Х.* Скрытая традиция: Эссе. М.: Текст, 2008.
- Арндт Х.* О революции / Пер. И.В. Косича. М.: Европа, 2011.
- Арндт Х.* Жизнь ума. СПб: Наука, 2013.
- Арндт Х., Шмид К.* Право на революцию: разговор между профессором Карло Шмидом и философом Ханной Арндт / Пер. с нем. А. Саликова // Социологическое обозрение. Т. 15. № 1. 2016. С. 56–74.
- Жворонков А.Г.* Философ и государство: Ханна Арндт о философии Сократа // Социологическое обозрение. Т. 16. № 3. 2017. С. 303–318.
- Мотрошилова Н.В.* Мартин Хайдеггер и Ханна Арндт: Бытие – время – любовь. М.: Академический проект; Гаудеамус, 2013.
- Arendt H.* Organisierte Schuld // Die Wandlung. 1945/46. I. Jg. 4. Heft. S. 333–344.
- Arendt H.* Über den Imperialismus // Die Wandlung. 1945/46. I. Jg. 8. Heft. S. 650–666.
- Arendt H.* Franz Kafka, von neuem gewürdigt // Die Wandlung. 1945/46. I. Jg. 12. Heft. S. 1050–1062.

- Arendt H.* Konzentrationslager // Die Wandlung. III. Jg. 4. Heft. 1948. S. 309–330.
- Arendt H.* Es gibt nur ein einziges Menschenrecht // Die Wandlung. IV. Jg. 4. Heft. 1949. S. 754–770.
- Arendt H.* Parteien und Bewegungen // Die Wandlung. 1949. IV. Jg. 6. Heft. S. 459–473.
- Arendt H.* Sechs Essays. Heidelberg, 1948.
- Arendt H.* On Revolution. New York/London: Penguin Books, 1990.
- Arendt H.* Philosophy and politics // Social research. Vol. 57. No. 1. 1990. P. 73–103.
- Arendt H.* Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil. New York: Penguin, 1994.
- Arendt H.* Ich will verstehen. Selbstauskünfte zu Leben und Werk / Hg. von U. Ludz. München: Piper, 1996.
- Arendt H.* The Promise of Politics. New York: Schocken Books, 2004.
- Arendt H.* Essays in Understanding, 1930–1954: Formation, Exile and Totalitarianism / Ed. by J. Kohn. New York: Schocken Books, 2005.
- Arendt H., Jaspers K.* Briefwechsel 1926–1969 / Hg. von L. Köhler, H. Saner. München: Piper, 1985.
- Grunenberg A.* Hannah Arendt. Freiburg i. Br.: Herder Verlag, 2003.
- Kämper H.* Der Schuldiskurs in der frühen Nachkriegszeit: Ein Beitrag zur Geschichte des sprachlichen Umbruchs nach 1945. Berlin; New York: De Gruyter, 2005.
- King R.H.* Arendt and America. Chicago; London: University of Chicago Press, 2015.
- Maffei S.* Der Standpunkt des Exils. Hannah Arendt in Paris (1933–1941) // Philosophie Magazin. Sonderausgabe 06. 2016. S. 52–55.
- Mahrdt H.* Le milieu de l'exil (1933–1940) // A. Kupiec et al. (ed.). Hannah Arendt – Crises de l'État nation. Pensées alternatives. Paris: Sens&Tonka, 2007. P. 37–48.
- Mommsen H.* Hannah Arendt und der Prozeß gegen Adolf Eichmann // Arendt H. Eichmann in Jerusalem: Ein Bericht von der Banalität des Bösen. München: Piper, 1986. S. I–XXXVII.
- Salamun K.* Karl Jaspers. 2. Aufl. Würzburg: Königshausen&Neumann, 2006.
- Söllner A.* „Adieu, la France?“ – Frankreich im Frühwerk Hannah Arendts // Söllner A. (Hg.). Deutsche Frankreich-Bücher aus der Zwischenkriegszeit. Baden-Baden: Nomos, 2011. S. 317–346.
- Sternberger D.* Versuch zu einem Fazit // Die Wandlung. IV. Jg. 8. Heft. 1949. S. 700–710.
- Sternberger D., Storz G., Süskind W.E.* Aus dem Wörterbuch des Unmenschlichen. Hamburg: Claassen, 1957.
- Sternberger D.* Plan einer Zeitschrift im besetzten Gebiet // Sternberger D. Gesammelte Schriften, Band XI. Frankfurt am Mein: Insel Verlag, 1991.
- Teichmann C.* Macht der Unordnung. Stalins Herrschaft in Zentralasien 1920–1950. Hamburg: Hamburger Edition, 2016.
- Young-Bruehl E.* Hannah Arendt. For Love of the World. 2nd ed. New Haven: Yale University Press, 2004.

Alexey Zhavoronkov

PhD in philosophy and philology, senior fellow at the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: outdoors@yandex.ru

**Social Renewal or Intellectual Utopia?
Hannah Arendt and *Die Wandlung***

Summary: The paper presents an analysis of Arendt's essays published in the journal "Die Wandlung" and some of her later works dealing with the topic of intellectual renewal from the background of the crisis of thinking. The core thesis is that Arendt develops the Jaspersian idea of intellectual renewal on a practical level, aiming to overcome cultural boundaries and national prejudices while building a new commonality despite the social atomization after the break with previous traditions. To prove this, I examine Arendt's concept of renewal from the standpoint of its connection with three temporal perspectives – the one of the German national-socialist past, symbolizing the destruction of traditions, the one of the fragile post-war present, oscillating between destructive nihilism and soothing self-deception, and the one of the future where philosophy plays not a leading but still a largely significant role.

Keywords: H. Arendt, K. Jaspers, tradition, renewal, banality of evil, thinking, dialog, action.

References

- Arendt, H. "Organisierte Schuld", *Die Wandlung*, 1945/46, I. Jg., 4. Heft, S. 333–344.
- Arendt, H. "Über den Imperialismus", *Die Wandlung*, 1945/46, I. Jg., 8. Heft, S. 650–666.
- Arendt, H. "Franz Kafka, von neuem gewürdigt", *Die Wandlung*, 1945/46, I. Jg., 12. Heft, 1945/46. S. 1050–1062.
- Arendt, H. "Konzentrationslager", *Die Wandlung*, 1948, III. Jg., 4. Heft, S. 309–330.
- Arendt, H. "Es gibt nur ein einziges Menschenrecht", *Die Wandlung*, 1948, IV. Jg., 4. Heft, S. 754–770.
- Arendt, H. "Parteien und Bewegungen", *Die Wandlung*, 1949, IV. Jg., 6. Heft, S. 459–473.
- Arendt, H. *Sechs Essays*, Heidelberg, 1948.
- Arendt, H. *On Revolution*, New York/London: Penguin Books, 1990.
- Arendt, H. "Philosophy and politics", *Social research*, 1990, vol. 57/1, p. 73–103.
- Arendt, H. *Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil*, New York: Penguin, 1994.
- Arendt, H. *Ich will verstehen. Selbstauskünfte zu Leben und Werk*, hg. von U. Ludz, München: Piper, 1996.
- Arendt, H. *The Promise of Politics*, New York: Schocken Books, 2004.
- Arendt, H. *Essays in Understanding, 1930–1954: Formation, Exile and Totalitarianism*, ed. by J. Kohn, New York: Schocken Books, 2005.

- Arendt, H. *Istoki totalitarizma* [The Origins of the Totalitarianism], Moscow: CentrKom Publ., 1996. (In Russian)
- Arendt, H. *Vita activa, ili O deyatelnoi zhizni* [The Human Condition], Saint Petersburg: Aleteiya, 2000. (In Russian)
- Arendt, H. *Skrytaya traditsiya* [Die verborgene Tradition]. Moscow: Tekst, 2008.
- Arendt, H. *O revolyutsii* [On Revolution], Moscow: Evropa, 2011. (In Russian)
- Arendt, H. *Zhizn uma* [The Life of the Mind], Saint Petersburg: Nauka, 2013.
- Arendt, H., Jaspers, K. *Briefwechsel 1926–1969*, hg. von L. Köhler, H. Saner, München: Piper, 1985.
- Arendt, H., Schmid K. “Pravo na revoljuciju. Razgovor mezhdu professorom Karlo Schmidom i Hannoj Arendt” [Das Recht auf Revolution: Gespräch zwischen Prof. Dr. Carlo Schmid und der Philosophin Hannah Arendt (1965)], *Russian Sociological Review*, 2016, vol. 15/1, pp. 56–74.
- Grunenberg, A. *Hannah Arendt*, Freiburg i. Br.: Herder Verlag, 2003.
- Kämper, H. *Der Schuldiskurs in der frühen Nachkriegszeit: Ein Beitrag zur Geschichte des sprachlichen Umbruchs nach 1945*, Berlin/New York: De Gruyter, 2005.
- King, R.H. *Arendt and America*, Chicago; London: University of Chicago Press, 2015.
- Maffei, S. “Der Standpunkt des Exils. Hannah Arendt in Paris (1933–1941)”, *Philosophie Magazin*, 2016, Sonderausgabe 06, S. 52–55.
- Mahrdt, H. “Le milieu de l’exil (1933–1940)”, in: *Hannah Arendt – Crises de l’État nation. Pensées alternatives*, ed. A. Kupiec et al., Paris: Sens&Tonka, p. 37–48.
- Mommsen, H. “Hannah Arendt und der Prozeß gegen Adolf Eichmann”, in: Arendt, H. *Eichmann in Jerusalem: Ein Bericht von der Banalität des Bösen*, München: Piper, 1986, S. I–XXXVII.
- Motroshilova, N.V. *Martin Heidegger i Hanna Arendt: Bytie – vremya – lyubov* [Martin Heidegger and Hannah Arendt: Being–Time–Love], Moscow: Akademicheskii proekt Publ.; Gaudeamus Publ., 2013.
- Salamun, K. *Karl Jaspers*. 2. Aufl., Würzburg: Königshausen&Neumann, 2006.
- Söllner A. „Adieu, la France?“ – Frankreich im Frühwerk Hannah Arendts, in: *Deutsche Frankreich-Bücher aus der Zwischenkriegszeit*, hg. von A. Söllner, Baden-Baden: Nomos, 2011, S. 317–346.
- Sternberger, D. “Versuch zu einem Fazit”, *Die Wandlung*, 1949, IV. Jg., 8. Heft, S. 700–710.
- Sternberger, D., Storz, G., Süskind, W.E. *Aus dem Wörterbuch des Unmenschlichen*, Hamburg: Claassen, 1957.
- Sternberger, D. “Plan einer Zeitschrift im besetzten Gebiet”, in: Sternberger, D. *Gesammelte Schriften*, Bd. XI, Frankfurt a.M.: Insel Verlag, 1991.
- Teichmann, C. *Macht der Unordnung. Stalins Herrschaft in Zentralasien 1920–1950*. Hamburg: Hamburger Edition, 2016.
- Young-Bruehl, E. *Hannah Arendt. For Love of the World*. 2nd ed. New Haven: Yale University Press, 2004.
- Zhavoronkov, A.G. “Filosof i gosudarstvo: Hanna Arendt o filosofii Sokrata” [Philosopher and the State: Hannah Arendt on the Philosophy of Socrates], *Russian Sociological Review*, 2017, vol. 16/3, pp. 303–318. (In Russian)